

**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
НА ПАТТЕРНЫ МАСКУЛИННОСТИ ИММИГРАНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА)**

В статье предполагается, во-первых, рассмотреть влияние фактора миграции на трансформацию паттернов маскулинности иммигрантских сообществ; во-вторых, рассмотреть отношения между различными паттернами маскулинности иммигрантов и государственной политикой (на примере политики либерального мультикультурализма).

Ключевые слова: паттерн маскулинности, гегемонная маскулинность, миграция, политика ассимиляции, политика либерального мультикультурализма, гендерное равенство.

В каждом обществе в определенный период времени существуют и воспроизводятся определенные паттерны маскулинности, т. е. социально конструируемые и реконструируемые модели поведения, представлений, переживаний, стилей социального взаимодействия и т. д., соответствующие мужчинам [Бёрд, 2008]. Паттерны маскулинности не являются унифицированными моделями, они культурно специфичны; это значит, что в каждой культуре существует свое особое представление о том, каким должен (или не должен) быть «настоящий» мужчина [Гилмор, 2005]. Паттерны маскулинности также не являются стабильными моделями; они исторически изменчивы, так как постоянно создаются и реконструируются в отношениях и трансформируются в ответ на изменения, происходящие в жизни общества.

Изменение социального контекста способствует трансформации уже существующих паттернов маскулинности, а также возникновению новых. Поскольку миграция всегда предполагает изменение социальных условий, то ее следует рассматривать в качестве одного из факторов, влияющих на трансформацию паттернов маскулинности.

Рассмотрим, каким образом миграция может влиять на трансформацию паттернов маскулинности иммигрантов. Уточним, что

в рамках статьи в качестве примера будет рассматриваться влияние миграции на паттерны маскулинности конкретной группы иммигрантов – выходцев из стран третьего мира, Азии и бывшего советского блока, приехавших в либеральные демократические государства, например, такие как страны Западной Европы, Канаду, Австралию, США. Выбор данного направления миграции обусловлен, во-первых, тем, что ввиду существенных культурных различий паттерны маскулинности иммигрантов и паттерны маскулинности принимающих их сообществ в данном случае значительно отличаются друг от друга. Во-вторых, выбор обусловлен тем, что только в либеральных демократических государствах возможно осуществление политики либерального мультикультурализма, способствующей сохранению исходных культур иммигрантов без их ассимиляции, сегрегации или маргинализации.

Существует три возможных варианта влияния миграции на трансформацию паттернов маскулинности иммигрантов.

Во-первых, миграция может способствовать укреплению и даже усилению внутри культурных групп иммигрантов гегемонной модели маскулинности. Под гегемонной подразумевается такая модель маскулинности, которая отсылает к структуре гендер-

ных отношений, предполагающей доминирующее положение мужчин и подчиненное положение женщин [Connell, 1995]. Гегемонная модель маскулинности, с одной стороны, предписывает мужчине выполнение роли защитника, кормильца и главы семьи; с другой стороны, она представляет собой приемлемый способ легитимации и гарантии патриархата. Поскольку в той или иной степени почти все культуры являются патриархатными, то гегемонная маскулинность является характерной для всех культур. Отличие моделей гегемонной маскулинности разных культур заключается в степени доминирования и подчинения, а также в предписываемых практиках.

Согласно Александре Олунд, мнение о том, что миграция способствует усилению подчиненного положения женщин-иммигранток и, следовательно, укреплению гегемонной модели маскулинности, было превалирующим (если не единственным) в феминистском дискурсе 80-х гг. [Ålund, 1991].

Во-вторых, миграция может способствовать (частичной) трансформации гегемонного паттерна маскулинности. Трансформация происходит ввиду того, что при столкновении с реалиями нового сообщества иммигранты вынуждены находить компромиссы между своими исходными паттернами маскулинности и паттернами, которые воспроизводятся в принимающем их сообществе. Компромиссы в данном случае необходимы для более быстрой и успешной адаптации в принимающее сообщество, где существует свое особое понимание маскулинности.

В-третьих, миграция может способствовать возникновению таких паттернов маскулинности, которые соответствуют эгалитарной модели отношений между мужчинами и женщинами. Новые паттерны возникают ввиду того, что миграция сопровождается не просто изменением социальных условий жизни, к которым необходимо адаптироваться, но и изменением социального статуса иммигрантов. Для мужчин миграция чаще всего сопровождается значительным понижением социального статуса, поскольку они вытесняются на периферию публичной сферы жизни принимающего их общества и – так же, как и женщины – занимают позицию граждан «второго класса». Другими словами, эгалитарная модель гендерных отношений и соответствующий ей

новый паттерн маскулинности возникают благодаря тому, что миграция выдвигает на первый план проблемы дискриминации на почве этнической (и в некоторых случаях расовой) принадлежности, вытесняя на второй план проблемы гендерного неравенства.

Появление нового паттерна маскулинности, соответствующего эгалитарной структуре гендерных отношений, характерно, например, для некоторых групп иммигрантов югославского происхождения, проживающих в данный момент в Швеции [Ålund, 1991]. Шведские исследователи отмечают, что ввиду понижения социального статуса иммигрантов-мужчин, во многих югославских семьях произошло ослабление традиционно сильной роли мужчин, а значит, и ослабление гегемонной модели маскулинности. Переезд в новую страну повлек за собой изменения в структуре гендерных отношений внутри групп иммигрантов. Женщины наравне с мужчинами стали играть роль кормильцев семьи, поскольку мужчины потеряли доступ к более высоко оплачиваемой работе, к которой имели доступ у себя на родине.

Принимающие иммигрантов государства могут по-разному реагировать на проблему культурного многообразия: они могут либо поддерживать культуры иммигрантов, либо вынуждать иммигрантов ассимилироваться к культуре доминирующего большинства. Поскольку паттерны маскулинности являются культурно специфичными, т. е. конструируются и реконструируются в рамках определенной культуры, то государственные идеология и политика могут непосредственно влиять на паттерны маскулинности иммигрантов.

Так, например, если государственная идеология нацелена на ассимиляцию иммигрантов к культуре доминирующего большинства, то политика будет направлена на трансформацию исходных и поддержание новых паттернов маскулинности, в большей степени соответствующих модели маскулинности принимающего мигрантов общества.

Если государственная идеология нацелена на поддержание в обществе культурного многообразия, то политика государства будет направлена (пусть даже и косвенно) на поддержание исходных паттернов маскулинности иммигрантов. Факт формирования

новых паттернов маскулинности в данном случае будет игнорироваться. Примером такой политики является политика либерального мультикультурализма, официально признанная в Канаде, Австралии, Швеции; а также осуществляемая в той или иной степени в других либерально-демократических государствах.

Сторонники теории и политики либерального мультикультурализма настаивают на предоставлении культурным меньшинствам (в том числе иммигрантам) особых групповых прав, которые обеспечивали бы сохранение и поддержание их исходных культур [Kimlicka, 1995]. Необходимость сохранения и поддержания исходных культур объясняется той ролью, которую культура играет в жизни как отдельного индивида, так и культурной группы в целом. Согласно Чарльзу Тейлору, культура полностью определяет процесс интеллектуально-духовного формирования каждого отдельного индивида; в то же время культура обуславливает сохранение единства и однородности всей группы людей, являющихся носителями данной культуры [Taylor, 1992].

Кроме того, сторонники либерального мультикультурализма утверждают, что сохранение исходных культур групп меньшинств является необходимым условием реализации индивидуальных прав членов культурных групп. Они утверждают, что только при условии поддержания культурного многообразия в либеральном обществе возможна реализация права индивида на свободный выбор культурной принадлежности.

Проблема заключается в том, что мультикультуралисты не учитывают следующее: сохранение какой-либо культуры подразумевает не только сохранение культурных практик, обычаев и традиций, но также сохранение традиционного паттерна маскулинности, характерного для данной культуры. Соответственно, политика либерального мультикультурализма является направленной как на поддержание исходных культур иммигрантов, так и на поддержание традиционных, в большинстве случаев гегемонных паттернов маскулинности. Последнее ведет также к поддержанию иерархической структуры гендерных отношений, предполагающей доминирование мужчин и подчинение женщин.

Феминистки-критики, такие как Сейла Бенхабиб и Сьюзен Окин, полагают, что сторонники либерального мультикультурализма используют упрощенный и ошибочный эссенциалистский подход к пониманию культуры [Бенхабиб, 2003; Okin, 1999]. Данный подход подразумевает понимание культуры как целостной, относительно стабильной и неизменной системы ценностей и норм, соответствующей определенной группе людей.

В действительности ни одна культура не является целостностью и не соответствует строго определенной группе людей; культура представляет собой смысловые сети (то есть сети нарративов), определяемые и с течением времени переопределяемые через слова и действия своих носителей [Бенхабиб, 2003]. Другими словами, культура постоянно конструируется и реконструируется в отношениях, так как индивиды в ходе своей деятельности формируют, оспаривают и переопределяют смыслы и значения культурных практик, традиций и обычаев.

Поскольку паттерны маскулинности являются культурно специфичными, то (так же, как и саму культуру) их необходимо рассматривать как нечто, что постоянно конструируется и реконструируется в отношениях, а не импортируется в готовом виде из одной страны в другую. Рассмотрение культуры, а следовательно, и паттернов маскулинности как продуктов культурного импорта ведет к стереотипизации влияния миграции на паттерны маскулинности. Появление новых паттернов маскулинности, соответствующих эгалитарной модели гендерных отношений, игнорируется. В результате, государственная политика, направленная на поддержание в обществе культурного многообразия, оказывается одновременно направленной на поддержание гегемонной модели маскулинности и гендерного неравенства внутри групп иммигрантов.

Подводя итог, подчеркнем, что миграция может оказывать различное влияние на паттерны маскулинности культурных групп, а именно может способствовать укреплению, трансформации и появлению новых паттернов маскулинности. Паттерны маскулинности – так же, как и сама культура иммигрантов – должны рассматриваться как нечто, что постоянно конструируется и реконструируется в отношениях, а не импортируется в готовом виде. В противном слу-

чае, государственная политика, нацеленная на сохранение исходных культур иммигрантов, рискует быть направленной на поддержание гегемонной модели маскулинности и, таким образом, на воспроизведение гендерной иерархии внутри культурных групп иммигрантов.

Список литературы

Бенхабиб С. Притязание культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер. с англ. / Под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

Бёрд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / Под ред. Ш. Бёрд, С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.

Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2005. 264 с.

Ålund A. The Power of Definitions: Immigrant Women and Problem Ideologies // Ålund A., Schierup C.-U. Paradoxes of Multiculturalism: Essays in Swedish Society. Aldershot, 1991. P. 61–88.

Connell R. W. Masculinities: Knowledge, Power and Social Change. Berkeley, LA: Univ. of California Press, 1995. 294 p.

Kimlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 264 p.

Okin S. M. Is Multiculturalism Bad for Women? Princeton, NJ, 1999. P. 7–24.

Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1992. 112 p.

Материал поступил в редакцию 06.06.2011

I. I. Tyurikova

INFLUENCE OF STATE POLICY ON MASCULINITY PATTERNS OF IMMIGRANTS (IN THE CONTEXT OF LIBERAL MULTICULTURALISM)

The article deals with the impact of migration on masculinity patterns in immigrant groups. It represents an attempt to view the relations between different patterns of masculinity of immigrants and state policy (in the context of liberal multiculturalism).

Keywords: pattern of masculinity, hegemonic masculinity, migration, the politics of assimilation, politics of liberal multiculturalism, gender equality.